Но у Чжан Синя есть запись. Каждое слово там ясно и недвусмысленно доказывает, что ты покупал у него ребенка.

Сунь Чи смотрел на резко изменившееся лицо Чжоу Вэня и на его дважды задрожавшие губы — казалось, тот все еще отчаянно пытался огрызнуться и высказать пару возражений. Не желая больше тратить на него слова, Сунь Чи поставил ультиматум:

— Все остальное, пожалуйста, расскажете уже в полицейском участке.

После того как Сунь Чи и его напарники надели на Чжоу Вэня наручники, жена Чжоу Вэня, естественно, с тревожным выражением лица последовала за ними.

Памятуя о наставлении Цзян Хунвэя, Сунь Чи велел другому коллеге вывести остальных наружу.

Он посмотрел на Чжоу И, который от самого начала и до конца так и не поднял глаз. Даже когда Чжоу Вэнь с женой уже почти дошли до двери и скрылись из виду, мальчик по-прежнему лишь тупо ковырялся палочками в миске с ошпаренной зеленью. Сунь Чи внезапно протянул руку и пару раз потрепал Чжоу И по неровно остриженным, словно обглоданным собакой волосам:

— Тебе тоже придется проехать с нами, малыш Чжоу И.

По дороге в городской управлений машину вел другой полицейский с многолетним стажем вождения. Чжоу И, едва достававший носками до коврика в салоне, сидел на переднем пассажирском сиденье.

Сунь Чи, чье вождение все еще находилось на стадии стажировки, ютился на заднем сиденье вместе с супругами Чжоу.

Всю дорогу они ехали молча.

Кто-то просто не знал, что сказать, кому-то сказать было вовсе нечего, а кое-кто пытался заговорить, но натыкался на пренебрежение и получал отповедь от того, кому было лень разбираться.

К последней категории относились исключительно супруги Чжоу.

Впрочем, главным образом это объяснялось неуместными вопросами жены Чжоу Вэня, которая словно нарочно затрагивала самые болезненные темы.

— В конце концов, мы изо всех сил старались и вырастили Чжоу И таким большим, — говорила

она. — Даже если вина будет полностью доказана и его осудят, наказание ведь не должно быть слишком тяжелым?

Спустя совсем немного времени она снова заговорила:

— К тому же, от этого ребенка отказалась его собственная мать, бросив его на обочине дороги. Не говоря уже о том, что мы, возможно, сделали доброе дело, подобрав его и спасши от голодной смерти на улице, даже если в этой истории и замешан посредник-торговец людьми, вряд ли это можно считать таким уж страшным грехом?

От ее слов обоим полицейским в машине стало по-настоящему противно.

Наконец Сунь Чи первым не выдержал и прервал ее:

— Умоляю вас, замолчите хоть ненадолго, ладно? И вообще, можете перестать при ребенке повторять то одно — что от него отказались родители, то другое — что он никому не нужен?

Произнеся это, Сунь Чи украдкой бросил боковой взгляд на Чжоу И, который по-прежнему с бесстрастным видом подпирал щеку рукой и смотрел в окно, после чего произнес спасительную ложь:

— В конце концов, судя по имеющимся у нас на данный момент уликам, совсем не исключено, что Чжоу И вообще был украден этим Чжан Синем.

— Да как такое возможно! — не удержалась от возгласа жена Чжоу Вэня.

Услышав это, сидевший за рулем полицейский тоже нахмурился, сочтя ее реакцию равносильной чистосердечному признанию.

Дожидаясь зеленого сигнала светофора на перекрестке, он искоса взглянул на слегка приунывший затылок Чжоу И и решил поддержать благородную ложь Сунь Чи, раскрыв карты лишь наполовину.

Он заговорил:

— Та записка, которую Чжан Синь дал вам в качестве мнимого доказательства того, что вы подобрали ребенка, была напечатана его подельником оптом. Их изготавливают специально для таких, как вы, кому нужно неуклюже замести следы и отмыть себя от подозрений.То, что Чжан Синь временами заставлял подельников писать записки, чтобы создать у покупателей имидж добросердечного человека — чистая правда.

И то, что записка, которую он тогда отдал Чжоу Вэню, действительно была подделана по его

заказу — тоже правда.

Но Чжоу И он не крал.

Находясь в комнате для допросов, Чжан Синь говорил Цзян Хунвэю и остальным: В то время я как раз только что продал мальчика, так что на руках водились неплохие деньги, и я планировал пожить в своё удовольствие несколько дней, прежде чем задумываться о чём-то ещё.

Но этот ребёнок ни с того ни с сего объявился на пути из какой-то забегаловки в подвал, куда я возвращался. Стояло разгар лета, а его завернули в какую-то рваную тряпку и бросили прямо на ступени. О какой-то записке не было и речи — казалось, тот, кто его оставил, хотел сварить малыша заживо на жаре, пожалев даже корзинку.

Тогда он сжимал кулаки и крепко зажмуривался. Хотя он лежал вплотную к раскалённым от солнца каменным плитам, а все его руки были искусаны комарами, он не издал ни звука, ни разу не заплакал, — рассказывал Чжан Синь. — Так что я в тот момент чуть было не решил, что он мёртв. Пока я не откинул эту тряпку, чтобы взглянуть на него, и он не вцепился в мой палец, отказываясь отпускать, и не открыл глаза, чтобы посмотреть на меня. Только тогда до меня дошло: о, да это же свалившаяся с небес возможность заработать.

Чжан Синь откровенно признавался: Честно говоря, у меня не было ни терпения возиться с ребёнком, ни желания за ним ухаживать. Но так уж совпало, что в ту пору никто заранее не оформлял у меня заказов на детей, а сбыть товар мне требовалось срочно, поэтому я и решил наведаться к этой бабе — Ван Мэй.

Он говорил: В те времена я ещё не числился в розыске, и передвигался относительно свободно. Но рожа у меня была откровенно бандитская, к тому же в той деревне уже нашлось несколько человек, которые успешно покупали через нас детей, так что Чжоу Вэнь приметил меня ещё тогда, когда я украдкой вышел из машины недалеко от въезда в деревню.

Поэтому, — сделав секундную паузу, продолжил Чжан Синь, — не то чтобы я продал ему ребёнка ради баснословной наживы, скорее это он тогда пригрозил мне полицией и вынудил отдать ребёнка за бесценок.

Закончив говорить, Чжан Синь словно внезапно что-то вспомнил и добавил: Впрочем, Ван Мэй об этом не знала, и Цай Сюй тоже ничего не знал, потому что всю эту сумму я захапал себе.

Эта дура Ван Мэй даже завидовала мне по телефону, говорила, будто у этого Чжоу Вэня потрясающая удача — надо же было умудриться подобрать ребёнка прямо на дороге, и если бы нам всем так везло, мы бы смогли заколачивать гораздо больше денег.

Помимо этого, Чжан Синь наговорил ещё очень многое.

К примеру, именно он подал идею о том, чтобы Чжоу Вэнь показал записку кому-нибудь авторитетному в деревне.

Пока Чжан Синь всё это рассказывал, полицейский, который вёл машину, сидел в смежном помещении за стеклом допросной и отчётливо слышал каждое слово.

Однако, заметив, что Чжоу И наконец-то соизволил обернуться и удостоить его мимолётного взгляда, он вдруг окончательно потерял рассудок от этого жалостливого личика Чжоу И.

Он подумал: а ведь показания, которые Чжан Синь дал помимо записанной на аудио допроса, тоже вовсе не обязательно правдивы.

Может статься, Чжан Синь просто перепутал все события?

А может, это он ляпнул первое попавшееся, чтобы хоть немного скостить себе срок?

http://bllate.org/book/37076/4614708